

ПОСЛАНИЕ СОВРЕМЕННОКАМ И ПОТОМКАМ

Книга Примо Леви «Человек ли это?» появится на русском языке в 2001 году, уже в XXI веке, когда про Вторую мировую войну, как, впрочем, и про все ужасы и трагедии, выпавшие на долю еще живущих людей, станут говорить: «Ну, это было в прошлом столетии...» И начнут расхваливать наступивший век как эру невиданного прогресса и социальной умиротворенности.

Так было всегда в пору перехода от одного столетия к другому, когда наше чванливое высокомерие с такой скоростью устремлялось в будущее, словно перемены в календаре защищали нас от нас же самих, каким-то неведомым образом улучшая человеческую природу.

Мы стараемся забыть свое прошлое — особенно те его моменты, когда немалая часть человечества проявляла не лучшие свои качества, безжалостно и изощренно уничтожая других. Этими другими могли быть люди другой расы или нации, а могли быть соотечественники, исповедующие другую веру или другие политические взгляды. Или вообще ни в чем не повинные люди, просто попавшие под каток исторической необходимости. Резервации для аборигенов в Австралии, невольничьи лагеря в Соединенных Штатах, ГУЛАГ и Освенцим (Бухенвальд, Майданек и т.д.) мало чем отличались друг от друга. Апология неволи для одних и безнаказанности для других сначала уничтожала человеческую природу, а затем и государственные системы, порождающие насилие одних над другими.

Правда, только в ГУЛАГе и в нацистских лагерях уничтожения палачи нередко становились жертвами и заполняли опустевшие бараки, которые еще недавно они охраняли сами.

Понятно, что человечество хочет сохранить хорошую память о себе самом для собственного потомства. Но реальное будущее можно строить, как писал Т.С.Элиот, только на реальном прошлом.

В политике действуют свои законы — желание ФРГ оставить в минувшем веке тринадцать лет гитлеровского рейха столь же объяснимо, как и желание России помнить, кто и какой ценой стал победителем в самой страшной войне, которую когда-либо знало человечество.

Но книга Примо Леви, завершенная в январе 1947 года, через два года после того, как он вышел из Освенцима, — эта книга написана не о законах политики, а о проблемах человеческого существования: перед лицом жизни и перед лицом смерти.

В отличие от своих французских современников — Ж.-П.Сартра прежде всего, — Примо Леви не культивирует героический жест перед лицом смерти. Его занимает иное: само человеческое существование. Точнее — те пределы, в которых человек сохраняет свою индивидуальность, и граница между биологическим и духовным существованием.

У Леви нет пафоса притяжения или непритяжения людей в зависимости от их способности (или неспособности) к сопротивлению обстоятельствам. Он рассказывает о том, что было и что есть на самом деле, что происходило с человеком из плоти и крови, которому надо есть, пить, опорожнять свой кишечник и мочевой пузырь, мыться, согревать свое тело и предохранять себя от непосильного труда, голода — и от себе подобных. Он размышляет о человеке, который попал в такие предлагаемые обстоятельства, что были созданы не просто для уничтожения человека как биологической массы, но как духовного существа.

Примо Леви не пишет о фашистах, о тех, кто охранял и убивал. Они, создавшие этот безупречный механизм смерти, практически не интересуют его. Разве что одно пронзительное наблюдение: немцы продолжают строить химический завод рядом с лагерем, когда советские войска уже подходят к Освенциму, — нет приказа, останавливающего строительство; это ли не свидетельство полного абсурда закованного в броню немецкого порядка. Но Леви не волнуется, что там внутри.

В 1945-м, 46-м и 47-м годах он был слишком обожен лагерем, чтобы думать о трагедии палачей. Он размышляет о трагедии жертв. О трагедии разрушения тех европейских гуманистических ценностей, которые сформировали его самого, дипломированного миланского химика, потом партизана и, наконец, узника одного из лагерей Освенцима. «Уничтожить человека трудно, почти так же трудно, как и создать, — пишет он после эпизода казни на лагерном плацу. — Но вам, немцы, это в конце концов удалось. Смотрите на нас, покорно идущих перед вами, и не бойтесь: мы не способны ни на мятеж, ни на протест, ни даже на осуждающий взгляд».

Книга Леви потрясает не живописанием того, как люди убивали людей, — об этом написано много и порой в высшей степени талантливо. Она ошеломляет скрупулезным, деталь к детали, и абсолютно беспасфосным повествованием о том, как в людях убивали людей. О том, как, выживая биологически, люди теряли последние представления о том, что хорошо и что плохо, — лагерная мораль отличается от обычной вовсе не количественными показателями. Она совсем другая, из жизни иного биологического вида. Но сам факт, что вид этот — тоже (тот же) человек, потрясает еще в большей степени.

Книгу Леви, после того как к ней пришла мировая слава (а случилось это после второго издания в 1957 году), нередко сравнивали с «Одним днем Ивана Денисовича» Александра Солженицына. Но мне кажется, что она ближе прозе Варлама Шаламова с его бесстрашным взглядом на беспредельность человеческого падения и человеческого величия.

Впрочем, всякие сравнения имеют свои изъяны. Творчество Примо Леви 40—50-х годов — плоть от плоти итальянского неореализма, обостренно внимательного к любому проявлению жизни, культивирующему бесценность бескорыстных человеческих отношений.

«С первого (...) проявления гуманности начинался новый отсчет: оставшиеся в живых хефтлиинги («заключенные». — *М.Ш.*) стали снова превращаться в людей». От отчаяния читателя книги спасает именно эта фраза. Люди вновь становятся людьми — только путь к себе так же мучителен, как и путь от себя.

Книга Примо Леви пришла к российскому читателю более чем через полвека после первого издания в Турине. Но такие книги никогда не опаздывают. Они всегда ко времени. Потому что мы никогда не сможем понять мир, в котором живем — его прошлое, настоящее и будущее, — если не будем помнить, что ад и рай — внутри каждого из нас.

Книга Примо Леви — послание из прошлого в будущее.

Послание, которое надо прочесть современникам и потомкам. Как и другие книги о лагерях смерти. Их строили люди для людей.

Эти книги нужно читать и ясно помнить, о чем и зачем они написаны.

Увы, история повторяется не только как фарс.

Михаил ШВЫДКОЙ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мне повезло: я был депортирован в Освенцим только в сорок четвертом году — уже после того, как немецкие власти, учитывая все возрастающую нехватку рабочих рук, решили увеличить среднюю продолжительность жизни обреченных на уничтожение узников, ощутило улучшив условия их существования и временно прекратив бесконтрольные убийства.

Поэтому, что касается ужасающих подробностей, моя книга не прибавит ничего нового к известной всему миру чудовищной правде о лагерях смерти. Она написана не с целью выдвинуть новые обвинения; скорее содержащиеся в ней факты могут послужить для бесстрастного изучения некоторых особенностей человеческой души. Многие люди и целые народы, не всегда отдавая себе в этом отчет, считают, что «всякий чужой — враг». У большинства это убеждение таится глубоко в душе, словно скрытая инфекция, и, проявляясь лишь в эпизодических и несогласованных действиях, не заложено в системе мышления. Но когда убеждение укореняется, когда смутное представление становится большей посылкой силлогизма, тогда в конце цепи возникает лагерь. Он — результат воплощенного с неукоснительной логикой миропонимания, и до тех пор, пока такое миропонимание существует, существует и угроза его воплощения. История лагерей уничтожения должна стать для всех зловещим сигналом опасности.

Я знаю о недостатках в построении книги и прошу извинить меня за них. Если не фактически, то как идея она родилась в дни лагеря. Необходимость рассказать

«остальным», сделать «остальных» соучастниками, приняла для нас, до освобождения и после, характер настолько неотложной и настойчивой потребности, что вступила в соперничество со всеми иными потребностями; при этом главным стимулом к написанию книги стала попытка внутреннего освобождения. Отсюда ее фрагментарный характер: отдельные главы писались не в логической последовательности, но в зависимости от того, о чем не терпелось рассказать в первую очередь. Общий план книги появился уже потом, так что работа по соединению глав и распределению материала была сделана позже.

Мне представляется излишним добавлять, что ни один из фактов не является вымышленным.

Примо ЛЕВИ

ЧЕЛОВЕК ЛИ ЭТО?

*Вы, что живете спокойно
В теплых своих жилищах,
Вы, кого дома по вечерам
Ждет горячий ужин и милые лица,
Подумайте, человек ли это —
Тот, кто не знает покоя,
Кто работает по колено в грязи,
Кто борется за хлебные крохи,
Кто умирает по слову «да» или «нет»?
Подумайте, женщина ли это —
Без волос и без имени,
Без сил на воспоминанья,
С пустыми глазами, с холодным лоном,
Точно у зимней лягушки?*

*Представьте, что все это было:
Заповедую вам эти строки.
Запечатлейте их в сердце,
Твердите их дома, на улице,
Спать ложась, просыпаясь.
Повторяйте их вашим детям.
А не то пусть рухнут ваши дома,
Пусть болезнь одолеет,
Пусть отвернутся от вас ваши чада*.*

* Перевод Евгения Солоновича.

ПУТЬ

Я попал в руки фашистской милиции в сорок третьем, 13 декабря. Мне было двадцать четыре года. Наивность, отсутствие всякого опыта, а также действующие уже больше четырех лет законы о расовых ограничениях способствовали тому, что я жил в своем, далеком от реального, мире призрачных идеалов картезианства, веры в мужское товарищество и непорочную дружбу с женщинами. Чувство протеста медленно зрело во мне, но конкретных планов борьбы не было.

Не так легко далось мне решение уйти в горы и принять участие в создании группы, которую мы с друзьями, не намного более опытными, чем я, намеревались превратить в партизанский отряд, чтобы влиться с ним в движение «Справедливость и свобода». У нас не было ни надежных связей, ни оружия, ни денег, мы понятия не имели, как все это найти; не было у нас и толковых советчиков, поэтому мы растворились в потоке самых разных, подчас случайных, не внушавших доверия людей, поднимавшихся с равнины в поисках кто чего: несуществующей организации, профессиональных кадров, оружия, протекции, укрытия, очага, а то и пары башмаков.

Тогда мне еще не был известен закон, который уже позже, в лагере, я очень быстро усвоил: главное в жизни — добиваться своей цели любыми средствами, а если просчитался — сам и виноват. Таким образом, нельзя не признать, что дальнейший ход событий был вполне закономерным: три милицейских центурии, отправившись глубокой ночью на захват другого, распо-

ложенного в соседнем ущелье и несравненно более сильного и опасного отряда, наткнулись в снежных предрассветных сумерках на наше укрытие и препроводили меня как подозрительную личность в долину.

Во время допросов я счел за лучшее заявить, что являюсь «итальянским гражданином еврейской расы», поскольку иначе, решил я, мне никак не объяснить своего присутствия в этих глухих местах, куда не забиралась даже эвакуированные. Я был уверен (потом оказалось — совершенно напрасно), что, если откроется моя причастность к политике, меня будут пытаться и наверняка убьют. Как еврея меня отправили в Фоссолли — большой лагерь под Моденой, первоначально предназначенный для английских и американских военнопленных, куда затем стали свозить и гражданских лиц самых разных категорий, не угодивших по той или иной причине новоиспеченному правительству недавно созданной фашистской республики*.

Когда я попал в лагерь, а точнее, к концу января 1944 года, итальянских евреев насчитывалось там около ста пятидесяти человек, но уже через несколько недель их число перевалило за шестьсот.

В основном это были целые семьи, схваченные фашистами или нацистами по доносу либо попавшиеся по собственной неосторожности. Встречались и такие, кто объявился добровольно: одни — от отчаяния, не в силах больше прятаться, другие — не имея средств к существованию, третьи — чтобы не разлучаться с привезенными сюда близкими, четвертые — какая глупость! — «чтобы не нарушать закона». Кроме того, в лагере находилось около сотни интернированных юго-

* После подписания 8 сентября 1943 г. перемирия между правительством Бадольо и союзниками, Италию (с севера до Неаполя) оккупировали немецкие войска, а 23 сентября на подконтрольной гитлеровцам территории была создана неофашистская «социальная» республика во главе с Муссолини («Республика Сало»). (Здесь и далее примеч. переводчика.)

славских солдат и еще несколько политически неблагонадежных иностранцев.

Появление небольшого подразделения немецких эсэсовцев насторожило даже оптимистов. Новость обсуждалась на все лады, высказывались всевозможные версии, но предположить, что готовится депортация, не смог никто, поэтому ошеломляющее известие всех застало врасплох.

Еще 20 февраля немцы тщательно обследовали лагерь, прилюдно изругали итальянского комиссара за неудовлетворительную работу кухни и скудные нормы дров, отпускаемых для отопления бараков, даже пообещали открыть в ближайшее время медпункт, а уже 21-го стало известно, что на следующий день назначена отправка евреев. Всех, без исключения. Даже детей и стариков, даже больных. Куда — неизвестно. Подготовиться к пятнадцатидневному пути. За каждого, кто не явится на перекличку, будет расстреляно десять человек.

Только самые доверчивые и простодушные продолжали еще на что-то надеяться, но таких можно было по пальцам пересчитать. Мы много разговаривали с еврейскими беженцами из Польши и Хорватии, поэтому уже представляли себе, что значит «отправка».

Традиция требует, чтобы в отношении приговоренных к смерти строго соблюдался определенный ритуал, смысл которого заключается в следующем: отныне никакие проявления жестокости или мести недопустимы; приговор есть не что иное, как печальная обязанность общества, и в момент совершения акта правосудия все, включая и самого палача, должны скорбеть о жертве. Поэтому приговоренный имеет право на сочувствие, ему предоставляется возможность провести последнюю ночь наедине с самим собой или, если он пожелает, в обществе духовных утешителей; его ограждают от людской ненависти и произвола, приучая к мысли о неотвратимости кары и о прощении, которое он обретает в момент казни.

Но к нам это не относится, потому что нас слишком много, а времени слишком мало, да и в чем, собственно, нам каяться, за что нас должны прощать? Итальянский комиссар распорядился, чтобы все службы работали до последнего момента, поэтому на кухне продолжали готовить еду, дежурные, как обычно, занимались уборкой, даже учителя младших и старших классов маленькой школы не отменили занятий в вечерней смене, правда, уроков на следующий день не задали.

И настала ночь, и была эта ночь такой, что ни пережить ее, ни увидеть глазами человеческими было невозможно. Все понимали, что это за ночь, и никому из охранников, итальянских и даже немецких, не хватило духу прийти и посмотреть, что делают люди, которые знают, что должны умереть.

Каждый прощался с жизнью по-своему, как умел: одни молились, другие пили, третьи пытались забыться, насыщая в последний раз свою похоть. А матери бодрствовали и заботливо готовили в дорогу еду, купали детей, складывали вещи, до утра сушили на ветру выстиранное детское белье. Они собрали пеленки, игрушки, одеяла и много всего другого, не забыв ничего, что могло бы понадобиться их малышам. А разве вы не сделали бы этого? Даже зная, что завтра должны умереть вместе с вашим ребенком, разве накануне вы не дали бы ему поесть?

В шестом бараке жил старый Гаттенъ с женой, детьми, внуками, зятьями и невестками; все мужчины в этой многочисленной семье занимались столярным делом. Родом они были из Триполи, до Италии добирались долгими сложными путями и всюду возили с собой рабочий инструмент, кухонную утварь, гармошки и скрипку, чтобы можно было поиграть и потанцевать после трудового дня, поскольку люди они были не только добродетельные, но и веселые. Женщины Гаттенъ, работая молча и споро, раньше других собрались в дорогу, оставив время для поминальной молитвы.